

УДК 342

doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.08

5.1.2.

Минимальные государственные социальные стандарты как индикаторы социальной справедливости в странах ЕАЭС

Мария Андреевна Павлова

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева;
Уральский институт регионального законодательства, Екатеринбург, Россия,
mapakima@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3098-1669>

Аннотация. Статья посвящена проблематике измерения социальной справедливости в странах ЕАЭС, которая, будучи абстрактной и оценочной категорией, требует поиска вариантов придания ей, насколько это возможно, урегулированного формата. В качестве индикаторов для оценки ее реализации рассматриваются минимальные государственные социальные стандарты (далее – МГСС). Подробно анализируется текущая ситуация в Российской Федерации, характеризующаяся фрагментарностью регулирования и отсутствием единого закона о федеральных МГСС. На основе рассмотрения зарубежного опыта, а именно стран ЕАЭС, доктринальной и законодательной сторон данного вопроса, обосновывается необходимость принятия федерального закона о МГСС. Отмечаются положительные стороны принятия такого закона, в частности, закрепление нормативного понятия данной категории, общих ориентиров и перечней сфер, в которых должны быть установлены нормативы, что, в свою очередь, будет способствовать упорядочению практической реализации социальной справедливости.

Ключевые слова: социальная справедливость, минимальные государственные социальные стандарты, индикаторы социальной справедливости, показатели, страны ЕАЭС

Для цитирования: Павлова М. А. Минимальные государственные социальные стандарты как индикаторы социальной справедливости в странах ЕАЭС // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 3. С. 89–96. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.08.

Minimum State Social Standards as Indicators of Social Justice in EAEU Countries

Maria A. Pavlova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev;
Ural Institute of Regional Legislation, Yekaterinburg, Russia,
mapakima@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3098-1669>

Abstract. The article addresses the issue of measuring social justice in EAEU countries, which, being an abstract and evaluative category, necessitates devising methods to render it as structured and quantifiable as possible. Minimum state social standards (hereinafter – MSSS) are considered as indicators for assessing its implementation. The current situation in the Russian Federation characterized by the fragmentation of regulation and the absence of a unified federal law on MSSS is analyzed in detail. Based on an examination of foreign experience, specifically in EAEU countries, as well as the doctrinal and legislative aspects of the issue, the necessity of adopting a federal law on MSSS is substantiated. The positive aspects of adopting such a law are noted, in particular, the establishment of a normative definition of this category, general

guidelines, and lists of areas in which standards should be set, which in turn will contribute to streamlining the practical implementation of social justice.

Keywords: social justice, minimum state social standards, indicators of social justice, metrics, EAEU countries

For citation: Pavlova MA. Minimum State Social Standards as Indicators of Social Justice in EAEU Countries. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(3):89-96. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.08.

В настоящее время социальная справедливость является одним из ведущих постулатов и ориентиров развития многих государств (см.: [Павлова 2024, с. 220]). Поскольку данная категория является оценочной, ее имманентная незавершенность в содержательном плане требует поиска конкретных подходов к ее воплощению в правовой материи. Учитывая многогранность данной категории, ее восприятие тяготеет к субъективизму, следовательно, возникает институциональная потребность в переводе ее в конкретные, а именно в измеримые показатели. Так, считаем, что для придания социальной справедливости верифицируемого правового контура следует обратиться к вопросу об индикаторах (измерителях), позволяющих оценить уровень ее достижения. Говоря о значении таких показателей (индикаторов), обратим внимание на слова Т. М. Филипповой и А. И. Долгих, которые отмечают, что «индикаторы социальной справедливости не являются самоцелью, они призваны повлиять на будущую политику в социально-экономической сфере, выделив первостепенные задачи и приоритеты, показав, где достигнуты наиболее хорошие результаты, а где необходимо проделать больше работы. Взаимосвязь субъективных и объективных показателей служит основой для комплексного моделирования в рамках исследования уровня социальной справедливости» [Филиппова, Долгих 2020, с. 102]. В данном контексте релевантной представляется позиция В. Е. Чиркина, который делит индикаторы социальной справедливости на относящиеся к общему характеру (бесплатное образование, медицинское обслуживание до определенного уровня) и к социально-адресному характеру (прожиточный минимум человека, минимальный размер заработной платы (далее – МРОТ), индекс развития человеческой личности и др.) [Чиркин 2016, с. 9]. Помимо этого он добавляет следующие измеримые компоненты: данные об уровне жизни конкретных групп населения; «потребительская корзина», которая, будучи набором необходимых товаров и услуг, переводится в денежный эквивалент и, таким образом, выступает количественным индикатором¹, и некоторые другие [Там же, с. 77, 81]. Эту позицию дополняет Т. В. Милушева, которая к реальным показателям социальной справедливости относит нормативно установленные величины МРОТ, а также прожиточный минимум, размер социальных пособий и т. п. [Милушева 2010, с. 75]. В свою очередь, Л. В. Князева и О. В. Страхов делят индикаторы социальной справедливости на субъективные и объективные. К объективным они относят доходы как материальные источники существования (включая прожиточный минимум и покупательную способность населения); занятость и безработицу (включая долю безработных в общей численности трудоспособного населения). Субъективные индикаторы, по их мнению, включают в себя субъективную оценку людьми степени удовлетворенности своим материальным и социальным положением, условиями труда, жилищными условиями и т. д. [Князева, Страхов 2004, с. 80]. Разные исследователи, включая В. А. Жовноватую, также сходятся во мнении, что ключевыми индикаторами социальной справедливости выступают «уровень жизни» и «качество жизни» [Жовноватая 2015, с. 198].

Очевидно, что предложенные авторами перечни не являются исчерпывающими и могут быть расширены за счет таких показателей, как, например, уровень бедности, коэффициент Джини, коэффициент фондов и др.

¹ Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (часть IV). Ст. 6950. Утратил силу с 1 января 2021 года в связи с истечением срока действия.

При всем многообразии объективных количественных критериев – будь то данные о доступности медицинских услуг, размере пенсий или величине прожиточного минимума, мы считаем глубоко ошибочным ограничиваться лишь этими формальными цифрами. Большинство исследователей по инерции отдают предпочтение именно «объективным» показателям, однако такой подход неизбежно нивелирует «человеческое измерение» справедливости. Ведь даже высокие абсолютные значения доходов или широкий перечень бесплатных услуг могут восприниматься населением как несправедливые. Именно поэтому измерителями социальной справедливости должны и, более того, обязаны выступать качественные (субъективные) критерии, выражающиеся в реальной оценке людьми предоставляемых им благ, в их восприятии равенства возможностей, а также в общей удовлетворенности жизнью. В этом смысле нам импонирует вышепредставленная позиция Л. В. Князевой и О. В. Страхова. Мы убеждены, что совокупный анализ количественных статистических данных и качественных социологических замеров позволяет составить объективную картину. В связи с этим представляется, что индикаторами социальной справедливости следует считать комплекс компонентов, состоящий из измеримых (количественных) и качественных показателей, позволяющих установить степень (уровень) ее реализации.

В контексте измерения социальной справедливости целесообразно обратиться к международному опыту, в частности к практике Кыргызской Республики, где используется так называемый индекс социальной справедливости в качестве комплексного инструмента оценки. Он состоит из шести ключевых компонентов: сокращение бедности, доступ к образованию, участие в рынке труда, социальная сплоченность и недискриминация, здоровье, справедливость в отношениях между поколениями. Для каждого компонента определены конкретные индикаторы, для которых установлены источники данных, методика расчета и т. д.² К сожалению, Россия не располагает подобной структурированной системой. Измерения носят точечный и фрагментарный характер. Используемые показатели, такие как коэффициент Джини (индикатор неравномерности распределения доходов населения)³, индекс потребительских цен (экономический показатель, который отслеживает изменения цен на потребительские товары и услуги за определенный период⁴), являются микроэкономическими метриками и не носят комплексного характера. Дополнительные эмпирические данные могут быть получены в результате научных и общественных исследований (например, опросы, проводимые Всероссийским центром изучения общественного мнения, Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской Академии наук и др.), однако они не интегрированы в единую нормативную систему.

В настоящей статье основное внимание сосредоточено на МГСС, которые в словаре определяются как «установленные законодательством Российской Федерации минимально необходимые уровни гарантий социальной защиты, обеспечивающие удовлетворение важнейших потребностей человека»⁵. Важно отметить, что данное определение не имеет прямого нормативного закрепления, и единого исчерпывающего перечня МГСС на федеральном уровне также не существует.

Тем не менее, применение МГСС в качестве термина прослеживается в федеральных законах «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Рос-

² Инфографика – Что такое Муниципальный индекс социальной справедливости Кыргызстана? // Tazabek : сайт. 23.09.2014. URL: <https://www.tazabek.kg/news:379011> (дата обращения: 07.02.2026).

³ Гальчева А., Рожкова Е., Виноградова Е. Неравенство в России вернулось почти к «досанкционному» уровню: Почему показатель растет два года подряд // РБК : сайт. 07.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2025/67c96f139a794702ed62e69a> (дата обращения: 2007.02.2026).

⁴ Марычев Н. Индекс потребительских цен: что это такое, как рассчитывается и как влияет на экономику // InvestFuture : сайт. 27.07.2025. URL: <https://investfuture.ru/articles/indeks-potrebitelskikh-tsen> (дата обращения: 07.02.2026).

⁵ Финансово-кредитный словарь : более 17 000 терминов // Phaethon : информационно-аналитический портал. URL: <https://faito.ru/pages/infresources/fkglossary/glossary.php?word> (дата обращения: 07.02.2026).

сийской Федерации»⁶ и «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁷, предусматривающих следующую норму: «нормативно федеральный закон, закон субъекта Российской Федерации, предусматривающие наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, должны содержать, в том числе, способ (методику) расчета нормативов для определения общего объема субвенций, предоставляемых местным бюджетам из федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации для осуществления соответствующих полномочий, включая федеральные или региональные государственные минимальные социальные стандарты»⁸.

В условиях отсутствия единого федерального закона о МГСС субъекты Российской Федерации демонстрируют в своем законодательстве разную степень детализации в исследуемой сфере. В нескольких регионах приняты собственные акты, устанавливающие МГСС⁹. Причем нередко в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации фиксируется отсылка к федеральным МГСС, которые, как уже отмечалось ранее, в общем и системообразующем виде отсутствуют (например, в Уставе Ивановской области сказано: «государственные социальные стандарты Ивановской области не могут снижать уровень обеспечения прав и свобод человека и гражданина, установленный минимальными государственными стандартами Российской Федерации»¹⁰). Примечателен пример Закона Республики Северная Осетия – Алания «Об основных республиканских социальных нормативах», в котором нормативы распределены по конкретным сферам (образование, здравоохранение и др.)¹¹. При этом в данном законе говорится, что «основные республиканские социальные нормативы устанавливаются в соответствии с настоящим Законом до принятия федерального закона о государственных минимальных социальных стандартах»¹².

Обратимся к зарубежной практике. Так, часть стран ЕАЭС, а именно Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Казахстан, предприняли шаги по нормативному закреплению данного института путем принятия специальных законов.

Так, Закон Республики Беларусь «О государственных минимальных социальных стандартах»¹³ обладает высокой регулятивной и институциональной значимостью, поскольку он содержит комплексное понятие МГСС и формирует базовые параметры для всего массива отраслевого законодательства в социальной сфере, тем самым обеспе-

⁶ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (Часть I). Ст. 8973.

⁷ Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

⁸ Там же.

⁹ См., например: Постановление Администрации Ненецкого автономного округа от 8 июня 2016 г. № 177-п «Об утверждении минимальных социальных стандартов в Ненецком автономном округе» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/438897919> (дата обращения: 06.02.2026).

Следует обратить внимание, что очень ограниченное число регионов приняло собственные законодательные акты, закрепляющие систему МГСС, что свидетельствует о недостаточной распространенности данного подхода в целом по России.

¹⁰ Закон Ивановской области от 29 января 2009 г. «Устав Ивановской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=9&nd=107025623&intelsearch= (дата обращения: 06.02.2026).

¹¹ Закон Республики Северная Осетия – Алания от 21 февраля 2002 г. № 3-ПЗ «Об основных республиканских социальных нормативах» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802040943> (дата обращения: 06.02.2026).

¹² Там же.

¹³ Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1999 г. № 322-З «О государственных минимальных социальных стандартах» // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2005 (дата обращения: 07.02.2026).

чивая стабильность обязательств государства. Белорусский подход предусматривает детализацию стандартов в таких ключевых областях, как оплата труда, пенсионное обеспечение, образование, здравоохранение, культура, жилищно-коммунальное хозяйство и социальная поддержка. Например, в сфере здравоохранения стандартизируются нормы материально-технического, лекарственного и кадрового обеспечения, а также нормы питания и обеспечения мягким инвентарем. Аналогичным образом в перечень МГСС в области жилищно-коммунального хозяйства включаются, в частности, перечень и объемы предоставляемых гражданам коммунальных услуг, уровень платежей граждан в процентах от стоимости предоставляемых основных жилищно-коммунальных услуг¹⁴.

Кыргызская Республика демонстрирует наиболее широкий предметный охват, включающий не только традиционные элементы социальной защиты (труд, образование и т. д.), но и аспекты, связанные с общественной безопасностью (экологическая безопасность, правопорядок) и доступом к бесплатной юридической помощи. Например, стандарт в области физической культуры конкретизирован в виде норматива объема базовых физкультурно-спортивных услуг в образовательных организациях, утверждаемого Правительством¹⁵.

В Республике Казахстан в сфере труда стандарт «минимальный размер месячной заработной платы» содержательно охватывает норму рабочего времени в месяц, нормы труда (трудовые обязанности) работника первого разряда в нормальных условиях¹⁶.

Таким образом, практика стран ЕАЭС свидетельствует о значительном прогрессе в институционализации МГСС, предлагая более структурированную основу для дальнейшего урегулирования количественных параметров по сравнению с ситуацией в Российской Федерации.

В отличие от ряда стран ЕАЭС, российское законодательство, как уже отмечалось ранее, на федеральном уровне не предусматривает специального закона, закрепляющего институт МГСС. Тем не менее, попытка их систематизации была предпринята в рамках проекта Федерального закона «О минимальных государственных социальных стандартах» (внесенного еще в 2002 году), который предполагал закрепление перечня областей, схожего с белорусской моделью. Однако этот законопроект, пройдя второе чтение, был отклонен и снят с рассмотрения в 2017 году. Основной причиной снятия была названа утрата актуальности, обусловленная существенными изменениями в законодательстве о разграничении полномочий и системе межбюджетного регулирования¹⁷. Однако за прошедший период, как мы видим, законодательство претерпело изменения, поскольку в 2021 году был принят закон о публичной власти в субъектах Российской Федерации, закрепивший, как уже было указано выше, МГСС в контексте вопроса о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями¹⁸. Таким образом, даже после реформы системы публичной власти лакуна относительно сущности и перечня федеральных МГСС сохраняется.

¹⁴ Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1999 г. № 322-З «О государственных минимальных социальных стандартах» // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2005 (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁵ Закон Кыргызской Республики от 26 мая 2009 г. № 170 «О гарантированных государственных минимальных социальных стандартах» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики : официальный сайт. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202576/edition/956384/ru> (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁶ Закон Республики Казахстан от 19 мая 2015 г. № 314-V «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях» // PRG. : Параграф : справочная система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37608800 (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁷ Депутаты отклонили законопроект, пролежавший в Госдуме почти 15 лет // Клерк : сайт. 08.02.2017. URL: <https://www.klerk.ru/law/news/457387/> (дата обращения: 08.02.2026).

¹⁸ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (Часть I). Ст. 8973.

Представляется, что в настоящий период содержание МГСС определяется через интерпретацию норм, закрепленных в отраслевом законодательстве. Например, в сфере трудовых отношений – это МРОТ (с 1 января 2026 года он установлен в сумме 27 093 рубля в месяц)¹⁹; в сфере социальной защиты – конкретные нормативы компенсации, закрепленные в специальных законах, таких как Федеральный закон «О социальной защите инвалидов» (к примеру, компенсация расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг в размере 50 процентов платы за холодную воду, электрическую энергию, потребляемые при содержании общего имущества в многоквартирном доме; оплаты стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, и транспортных услуг для доставки этого топлива – при проживании в домах, не имеющих центрального отопления и т. д.)²⁰; в сфере пенсионного обеспечения – расчет страховой пенсии по старости, установленный в Федеральном законе «О страховых пенсиях»²¹. Как видно, федеральные МГСС рассредоточены по всему массиву законодательства, включая подзаконное регулирование.

На региональном уровне можно найти детализацию, в том числе, на уровне подзаконных актов. Показательным примером является Постановление Правительства Свердловской области «О мерах по организации и обеспечению отдыха и оздоровления детей в Свердловской области», устанавливающее индексированную предельную стоимость путевок в детские оздоровительные лагеря на будущий период (например, с 1 января 2026 года загородные оздоровительные лагеря, работающие в летний период, – 21 650 рублей за одну смену продолжительностью 21 день, 14 433 рубля за одну смену продолжительностью 14 дней, 7 217 рублей за одну смену продолжительностью 7 дней)²².

Как подчеркивают И. А. Лабзина и Ю. В. Нуретдинова, поскольку не существует единого подхода относительно содержания МГСС, в нормативных документах они определяются по-разному [Лабзина, Нуретдинова 2017, с. 835]. Считаем, что, несмотря на практическую возможность имплицитного оперирования отдельными показателями, закрепленными в массиве нормативно-правовых актов, это так или иначе создает риск необоснованного расширения и (или) произвольного толкования понятия и, главным образом, содержания МГСС. Следовательно, принятие специализированного закона о федеральных МГСС приобретает методологическую потребность, поскольку позволит закрыть пробел в определении самого понятия МГСС, их содержания и границ. Принятие такого закона необходимо не для дублирования уже существующих стандартов, а для установления общих рамочных ориентиров и верифицированных перечней сфер, в которых должны быть установлены такие нормативы, что позволило бы обеспечить единое понимание МГСС, оставив за отраслевыми актами функцию их детализации.

Следует учитывать динамический характер индикаторов социальной справедливости. В. Е. Чиркин подчеркивает, что «социальная справедливость – это одновременно принцип сущего (на достигнутом уровне развития страны) и должного (целеполагание), ее показатели изменяются в связи с развитием страны и существенно варьируются в разных странах. То, что может считаться социальной справедливостью в Тропической Африке, совсем не является таковым в развитых странах Европы и Америки» [Чиркин 2016, с. 77].

¹⁹ Федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 26. Ст. 2729.

²⁰ Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995 г. № 48. Ст. 4563.

²¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. 2013 г. № 52 (часть I). Ст. 6965.

²² Постановление Правительства Свердловской области от 3 августа 2017 г. № 558-ПП «О мерах по организации и обеспечению отдыха и оздоровления детей в Свердловской области» // Контур-Норматив : сайт. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=115&documentId=10002> (дата обращения: 08.02.2026).

Следовательно, при рассмотрении зарубежных моделей, в том числе стран ЕАЭС, следует избегать механического переноса их стандартов в российскую правовую систему. Принятие закона о федеральных МГСС должно учитывать специфические социально-экономические реалии, финансовые возможности, особенности территориального государственного устройства Российской Федерации и многие другие обстоятельства. Опираясь на практику государств ЕАЭС, полагаем, что такой закон должен также закреплять цели, задачи, принципы, основные понятия и самое главное – систему МГСС, включающую конкретные области (например, здравоохранение, пенсионное обеспечение, оплату труда и т. д.) и, в зависимости от соответствующей области, собственно сами стандарты. К примеру, в области социальной поддержки семей – различные виды пособий в связи с рождением ребенка, воспитанием детей и др., в области оплаты труда – минимальная заработная плата и т. д.

В заключение уместно обратиться к справедливому утверждению В. Е. Чиркина, посвятившего немало исследований данной проблематике. Ученый обращает внимание на то, что, в частности, в отношении «принципа социальной справедливости – важно изучать фактическую реализацию в цифровых данных, а не только терминологию. Это непросто. Но без этого в наше время нельзя изучать конституционное право, государствоведение и даже теорию права. Нужно разрабатывать новые подходы» [Чиркин 2016, с. 12]. Следовательно, принятие закона о федеральных МГСС стало бы важным шагом в направлении предметного отражения социальной справедливости в виде ее системообразующих, комплексных нормативных ориентиров (индикаторов).

Список источников

- Жовноватая В. А. Методы оценки уровня социальной справедливости в обществе // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2015. № 1 (31). С. 195–205. EDN XABUKF.
- Князева Л. В., Страхов О. В. Показатели справедливости в социально-экономической сфере современного российского общества // Социология власти. 2004. № 2. С. 77–95. EDN GZUZO.
- Лабзина И. А., Нуретдинова Ю. В. Понятие и правовое регулирование минимальных государственных социальных стандартов // Экономика и социум. 2017. № 4 (35). С. 834–837. EDN YUSXKT.
- Милушева Т. В. Социальная справедливость как нравственно-правовая основа деятельности публичной власти // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1 (19). С. 71–78. EDN NUPQEB.
- Павлова М. А. Социальная справедливость в конституциях стран ЕАЭС: общее и особенное // Уральский Форум конституционалистов (Екатеринбург, 2–7 октября 2023 года). Вып. 9, ч. 1 / отв. ред. М. С. Саликов. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 219–229. EDN QKJDXC.
- Филиппова Т. М., Долгих А. И. Анализ индикаторов социальной справедливости в экономической сфере российского общества // Молодой ученый. 2020. № 37 (327). С. 102–107. EDN BMFPAR.
- Чиркин В. Е. Индикаторы принципа социальной справедливости в конституционном праве в сравнительном измерении (тезисы доклада на международной конференции 19 апреля 2016 г.) // Право и современные государства. 2016. № 3. С. 9–12. EDN XEGMMR.
- Чиркин В. Е. Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 5. С. 72–83. EDN WTIAUP.

Информация об авторе

Мария Андреевна Павлова, старший преподаватель кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева; консультант отдела систематизации законодательства и справочно-информационной работы, Уральский институт регионального законодательства (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Maria A. Pavlova, Senior Lecturer of the Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; Consultant of the Department of Systematization of Legislation and Reference and Information Work, Ural Institute of Regional Legislation (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 09.07.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 21.07.2026.

Принята к публикации | Accepted 21.07.2026.